

Алексей ПШАНСКИЙ,

зав. литературной частью
Новгородского областного
театра драмы

БЕРЕЗКА

Буквально на днях, после шестнадцати лет знакомства и совместной работы, мы выяснили, что, оказывается, 20 января 1980 года, в День освобождения Новгорода, мы оба, и я и она, впервые в жизни оказались в этом городе, и даже одним поездом: я - на один день, показаться худсовету театра и по возможности в него устроиться, она - на работу в тот же театр, уже в качестве приглашенной актрисы. Разумеется, пути наши тогда не пересеклись ни в поезде, ни на вокзале, ни даже в театре; и не подсказало мне шестое чувство, что в этом же поезде, где-то совсем рядом, готовится к выходу на платформу самая любимая мною по сей день актриса нашего театра... Еще через два месяца я снова приехал в Новгород, уже работать. Театр в это время готовил к премьере спектакль "Синие кони на красной траве" по Шатрову. Не зная еще, как кого зовут, кто есть кто в этом театре, во время репетиции я как-то зашел за кулисы и увидел стоящую на выходе актрису, мне незнакомую (как и почти все прочие). Я поздоровался, она улыбнулась, кивнула, а потом произошло нечто неожиданное, меня сперва ошеломившее и даже испугавшее: она вдруг заплакала навзрыд, залилась настоящими, живыми слезами, а еще через пару секунд выскочила из-за кулис и точно на реплику вошла в сцену. Подобная степень эмоциональной включаемости поразила меня: я слышал, что такое бывает, но никогда ничего подобного вблизи не видел, хотя и вырос, можно сказать, за кулисами. В этой неожиданной "истерике" не было ни грамма фальши, ни капли актерства, и я, стоявший в двух шагах, ни на секунду не усомнился в искренности ее слез. Тогда, правда, я не знал еще того, что знаю сейчас: главная профессиональная добродетель, главная особенность этой актрисы - предельная, подлинная искренность. Этот случай был первым моим сильным впечатлением в новгородском театре; тогда же я узнал имя этой актрисы, чтобы никогда уже его не забыть: **Люба ЛУЩЕЧКИНА.**

Говорят, существует какая-то зависимость между именем или фамилией человека и его характером, сутью, его, как теперь говорят, "имиджем". Не берусь судить, насколько верно это утверждение, но в случае с Любой оно правомерно: мягкая, всегда приветливая улыбка, ненавязчивая манера общения, эмоциональная уравновешенность, тихая задумчивость и какой-то, если можно так сказать, "душевный комфорт", который она непременно с собой привносит, как нельзя более соответствуют ее нежной, "уменьшительно-ласкательной" фамилии. Она немногословна, никогда не митингует ни по какому поводу, почти никогда не спорит, не "генерирует" отрицательных эмоций, - возле нее всегда как-то тихо, уютно и спокойно. В то же время нельзя сказать, что она исключительно "вся в себе", что отстраняется от всего окружающего и знать никого не желает, - нет: она живет той же жизнью нашего небольшого закулисного мирка, у нее те же заботы, те же будни и праздники, что и у всех нас, участвует во всех формах нашей внутритеатральной жизни, умеет и шутить, и смеяться, и мнение свое отстаивать, но делает всегда это мягко и деликатно. А в первые месяцы работы в Новгороде она вообще почти не разговаривала - только улыбалась и все писала, писала какие-то длинные нескончаемые письма...

- Люба, кому ты так много и часто писала?

- Всем своим друзьям, знакомым актерам и режиссерам - с призывом о помощи: хотелось бежать из этого города,

куда глаза глядят...

- Тебе так не понравился Новгород?

- Сначала я просто была "в шоке". Меня поселили в гостинице "Садко", я глянула в окно - метров через двадцать вал, и город кончается. Спросила: далеко ли до театра? - ответили: да нет, рядышком - две остановки... Театр в двух остановках от края города! И это после Алма-Аты с ее столичной обустроенностью и академическим театром в самом центре! Мне показалось, я попала в такую "дыру", что дальше некуда.

- Как же ты столько лет смогла проработать в столь нелюбимом городе?

- Нет, сейчас я люблю Новгород. Театр, правда, так и не стал "моим" театром в той степени, в какой был алма-тинский, но сам город меня более чем устраивает; и не только тем, что небольшой и тихий, но атмосферой, душой, что ли... Это множество церквей, которых я даже названий не знаю, но важно, что они тут есть... Я долго не принимала Новгород, но теперь это мой город, он мне созвучен, мне здесь комфортнее, чем когда-то в большом городе. Теперь здесь мой дом...

Вот так однажды Люба попала в новгородский театр, и сама этого испугалась. Каким же образом она попала в театр вообще? Надо сказать, что на подмостки традиционно ведут несколько путей. Одних приводит в театр семейная традиция: напитавшись с детства закулисным духом, они себе иной жизни не мыслят и уверенно идут проторенной "дорогой отцов". Другие, заразившись театром в кружках художественной самодеятельности, с энтузиазмом неопитов бросаются на высокое служение искусству. Иных привлекает иллюзия богемной жизни и непыльного заработка (но они обычно задерживаются недолго, так как работа у актеров достаточно тяжелая, а деньги за нее платят весьма незавидные). А некоторых приводит в театр случай (или ряд случаев и совпадений), который в конечном счете обретает некий судьбоносный смысл и может называться уже не Случаем, а Судьбой, особенно если приводит в театр такую актрису, как Лушечкина. Выросла она в городе Свердловске, в семье большой и дружной, но о театре имеющей разве только самые общие представления: отец работал слесарем, мать вообще не имела какой-либо определенной квалификации, старшие сестры (а их у Любы три) и по сей день трудятся на заводе Уралмаш. Она никогда не мечтала стать актрисой, никакой склонности к лицедейству не проявляла; правда, если в дом приходили гости, могла спеть для них пахмутовскую песню про геологов, представляя себя в будущем певицей, но уже в третьем классе маленькая Люба одумалась, и о карьере творческой более не помышляла. Младший ребенок в семье, она тем не менее не страдала эгоцентризмом всеобщего любимца - росла тихой, скромной, не очень уверенной в себе девочкой, которая любила одна уходить смотреть, как мимо идут поезда, и мечтать - о чем-то прекрасном, о чуде, которое, наверное, ждет ее там, куда идут эти поезда... А вот на определенный вопрос: кем ты хочешь стать, девочка? - она тогда ответить бы, наверное, не сумела.

- Я долго не могла определиться с будущей профессией. Мечты в этом смысле не было никакой. Но точные предметы у меня шли лучше, чем гуманитарные, и по окончании школы я решила поступать в УПИ на физмат.

Но судьбою, видимо, уже было твердо решено внедрить Любовь Дмитриевну в театр, и на первом же вступительном экзамене она благополучно срезалась. А поскольку до следующей попытки был еще целый год, и чем-то этот год заниматься надо, она устроилась на работу в свою же школу физиком-лаборантом. Здесь она сошлась с "товарищем по несчастью" пионервожатой Валей, которая тоже коротала время в ожидании следующих вступительных экзаменов. Эта Валя, одержимая навязчивой идеей непременно стать актрисой, уже

пятый или шестой год штурмовала все доступные театральные учебные заведения страны, проваливалась, но присутствия духа не теряла, проваливаясь в очередной раз. Вот она-то, видимо, испытывая потребность в соучастнике, и принялась уговаривать Любу попробовать поступить с нею вместе в театральное училище. Люба долго отмахивалась от этой затеи как от несерьезной, но подруга наседала, а тут еще и учительница литературы Людмила Александровна поддержала целеустремленную Валю, и Люба наша сдалась. Людмила Александровна, ставившая некогда ей двойки за сочинения, теперь сама нашла для нее вступительный материал - "Легкое дыхание" Бунина и какие-то стихи про березку (так Лушечкину до самого выпуска потом и звали - Березка), и на следующее лето Люба, движимая скорее состраданием к подруге, нежели любовью к искусству, отправляется вместе с Валей на вступительные экзамены в Свердловское театральное училище. В результате этой авантюры пионервожатая Валя традиционно провалилась, а Люба в училище поступила, причем не просто поступила, а, можно сказать, вошла в него триумфально. Это я знаю уже не с ее слов - об этом рассказывали люди, закончившие СТУ позже, которые ее и в глаза-то никогда не видели, но фамилию Лушечкина хорошо знают, потому что осталась она своего рода легендой училища. Начнем с того, что ее сразу, прямо с экзамена, хотели взять на второй курс, но мастер первого курса не согласился под тем разумным предлогом, что обучать следует сначала, а не с середины. Училась она на повышенной стипендии, закончила СТУ с красным дипломом. Будучи студенткой, играла заметные роли в ТЮЗе, на местном телевидении. В чем же был секрет такого неожиданного успеха?

- Не знаю. Может быть, мой инфантилизм каким-то странным образом перерос в искренность и непосредственность; во всяком случае, мне говорили, что ценили меня именно за искренность. Я тогда верила всему, что мне предлагали, могла выполнить любую поставленную задачу, потому что сразу же в нее верила. На одном из вступительных туров меня попросили: придумай какой-нибудь лозунг, скажи что-нибудь такое, чтобы мы все тебе поверили и пошли за тобой. Что я могла придумать? - только то, что отвечало моему тогдашнему состоянию: я распахнула окно и крикнула: "Люди, давайте жить честно и красиво!" В тот момент я абсолютно верила себе. Сейчас уже, наверное, так не смогу...

Вадим Михайлович Николаев, мастер любинского курса, первый "открыл" и сформулировал творческий план, "амплуа" будущей актрисы: лирическая героиня. Когда Любу усиленно звали работать в свердловский ТЮЗ, он ей сказал: "Хочешь себя загубить - иди, но тогда забудь, что ты моя ученица: ТЮЗ - это не твое дело, и я за тебя не отвечаю." В ТЮЗ Люба не пошла, в свердловскую драму, куда ее звали, - тоже; выйдя из училища, она отправилась в Ижевск, куда главным режиссером был назначен один из преподавателей СТУ Александр Андреевич Блинов. Сценическим дебютом Любы (если не считать работу во время учебы в ТЮЗе и на телевидении) стала роль Раисы в "Женитьбе Бальзамина" на сцене ижевского

театра. А дальше... как-то не сложилось все настолько, насколько ожидалось. Нет, роли были - и Вероника в "Вечно живых", и "Московские каникулы", но не было того творческого взлета, вспышки, чуда, на которое хотелось надеяться. Большую часть времени колесили по Удмуртии, играли по пять сказок в день в клубах, на открытых площадках, на специально приспособленных бортовых машинах. Да и режиссер, за которым Люба поехала, вскоре ушел из театра. Самое яркое, что запомнилось от ижевского периода, - природа. "Если в Сибири природа красивая, то в Удмуртии она роскошная", - вспоминает Лушечкина. Но с работой в Ижевске дело обстояло не так роскошно, как с природой, и наша Люба с отчаяния делает величайшую глупость, которую никогда больше в жизни не повторяла: увольняется из театра, не устроившись предварительно в другой, и уезжает в Свердловск, к маме.

- Вот когда я впервые ясно поняла, что не могу существовать без работы. Эти полтора месяца вынужденного

безделья я буквально выла от тоски, срывалась на людей, как цепная собака. Надо было срочно устраиваться; друзья подсказали, что Южаков - главный в Томске, и я срочно поехала в Томск...

Игорь Александрович Южаков, тот самый, который хотел когда-то взять Любу прямо со вступительных экзаменов к себе на второй курс, честно ей признался: "Я, вероятно, скоро отсюда уволюсь, так что тебе нет смысла сюда устраиваться. Но как только получу где-нибудь театр - сразу же тебя вызову." С тем Люба и вернулась домой, где ее уже ждала телеграмма из Ижевска, - там катастрофически не хватало актеров; и еще месяцев пять ей пришлось любоваться роскошной природой Удмуртии.

Южаков сдержал слово: став главным режиссером Алма-Атинского академического театра драмы имени Лермонтова, он тут же отправил в Ижевск телеграмму с официальным приглашением на работу, и Люба немедленно, не теряя

времени на любимые ею поезда, самолетом отправилась в Алма-Ату.

- Я первый раз в жизни летела самолетом, - было непривычно, интересно, и немного жутковато. Но когда стали снижаться, я забыла и про свои страхи, и вообще про самолет - перед куда более сильным впечатлением: я увидела горы, впервые в жизни, - это было потрясающе; в голове зазвучали песни Высоцкого из "Вертикали"... Когда меня везли в гостиницу, я, тоже впервые в жизни, увидела пирамидальные тополя... Алма-Ата "захватила" меня сразу...

Красивый столичный город, невиданная ранее южная природа, академический театр с историей и традициями, - все это произвело на нее впечатление, ощутимое до сих пор. Труппа отличалась солидностью и обилием званий: сплошные народные и заслуженные; еще работали актеры, эвакуировавшиеся сюда во время войны. И в этом "реликтовом" театре наша застенчивая и скромная Люба сразу получает Алену - главную женскую роль в пьесе Роцина "Муж и жена снимут комнату"! И труппа, и цеха - все ходили на репетиции смотреть: что ж это за новая артистка такая? Может, смущенная пристальным вниманием театральных китов и мастодонтов,

Любовь ЛУШЕЧКИНА

Люба растерялась, а может, как она говорит, на том этапе не сумела чего-то сделать, но в работе начались непонятные сбои. Постановщик спектакля И.А.Южаков, сам назначивший ее на роль Алены, да и вообще взявший ее в театр, стал заметно выражать недовольство ее работой, отрицал все, что она предлагала, высмеивал ее на репетициях (а на сцене это ох как тяжело переносится), и в конце концов закомплексовал до такой степени, что нормально работать она уже не могла. Кончилось тем, что на роль Алены дополнительно была назначена другая актриса, более опытная (кстати, жена режиссера-постановщика), она же сыграла премьеру, и все последующие спектакли играла тоже она. Потом сезон закрылся, театр отправился на гастроли во Фрунзе, а Люба, практически не вошедшая еще в репертуар (и, следовательно, на гастролях не нужная), поехала в Свердловск, к маме, переживать свою первую неудачу, как ей тогда казалось.

Пока Люба в родительском доме зализывала душевные раны, во Фрунзе происходили следующие баталии: могучая алма-атинская труппа, рассорившись со своим главным режиссером, собрала вече и "указала ему путь", выражаясь языком летописным. Южаков ушел из театра прямо с гастролей, а с ним, естественно, и его супруга. Алену играть стало некому, понадобилась замена; вот тут и вспомнили про Любу, которая эту роль все-таки репетировала. Вызванная срочной телеграммой во Фрунзе, она с двух репетиций вводится в спектакль, и... и с этого момента артистка Лушечкина, как говорят в театре, "пошла", или, как говорит она сама, начался ее "звездный час". Теперь ее признал и полюбил весь театр - и "мастодонты", и простые смертные, и цеха; на нее посыпались роли, зрительское признание, цветы, успех...

- Никогда - ни до, ни после Алма-Аты, мне не было так хорошо. Я жила в атмосфере любви, творчества, доброты, в красивом городе, в прекрасном театре. Продолжалось это всего пять лет, но большая часть меня так и осталась там.

Режиссура баловала ее прекрасными ролями - она сыграла Нину Заречную в "Чайке", Любу в "Фантазиях Фарятева", Марию в "Вестсайдской истории". Зрители в кассе спрашивали: играет ли Лушечкина? - и, если играет, брали билеты. Поклонники ее таланта дожидались у служебного входа, присылали цветы, записки, а один из наиболее ретивых однажды скупил на базаре все пионы, любимые Любины цветы, и сложил к ее ногам (а это по масштабу все-таки южный базар, а не наш, северо-западный). У нее все получалось, в нее верили, ее любили, она купалась в успехе, - что еще нужно актрисе для полного счастья?

- Луша, как же ты от всего этого смогла уехать?

- Это очень личное... Я росла домашним, тихим ребенком, и, когда выросла, такую же инфантильной и осталась. Не столько жила, сколько мечтала о жизни. В училище сторонилась всяких "богемных" посиделок, одна из немногих не пробовала курить... Когда уже в 21 год мне предложили выйти замуж - я по-настоящему испугалась: в то время, стыдно сказать, еще и не целовалась-то ни с кем. И когда в Алма-Ате пришло то чувство, о котором, казалось, я мечтала - настоящее, высокое, - оно захватило меня всю,

без остатка... Ну, а когда все закончилось, я была опустошена совершенно.. В театре все было прекрасно, квартиру должна была вот-вот получить... Друзья говорили: не делай глупости, твоя судьба здесь, - но я не могла больше оставаться в этом городе, готова была бежать, куда глаза глядят... А тут Алексей Павлович подвернулся...

Алексей Павлович Чаплеевский как раз должен был ехать принимать новгородский театр. Он пригласил Любу с собой, и она поехала "куда глаза глядят", то есть в Новгород. Испугавшись поначалу нестоличных новгородских расстояний, она затосковала, но, наученная горьким ижевским опытом, уже не стала увольняться из одного театра, не договорившись прежде с другим, и принялась усердно рассылать письма во все концы Союза, в надежде все-таки уехать. Но поменять театр в разгар сезона сложнее, чем в конце, и Люба решила доработать этот сезон, съездить на гастроли, а потом и распрощаться с чистой совестью. Так бы оно, наверное, и было,

и сидели бы мы тут без артистки Лушечкиной, если бы жизнь не внесла свои благотворные коррективы в ее план...

В то лето на гастролях в Брянске и Чебоксарах наш театр имел возможность наблюдать развитие потрясающе красивого романа, открытого, самозабвенного, со всеми атрибутами жанра, романа, про который ни у кого не возникало желания почесать язык, которым только любовались. Героем Любиного романа стал бывший тогда заведующий радиоцехом, ныне законный ее супруг Витя Шагалов. Думаю, именно ему театр обязан наличием в своей труппе этой актрисы. По образованию он радиоинженер, по призванию, наверное, тоже, - во всяком случае, всевозможными схемами и компьютерами он занимается как в рабочее время, так и в нерабочее. Он и сейчас трудится в театре, но его ведомство находится далеко от сцены и с творческой стороной театра почти никак не связано. На работе они встречаются, только если специально друг к другу в

Сцена из спектакля "Коварство и любовь"

гости зайдут.

- Интересно, не вредит общности интересов такая разнородность профессий?

- Не только не вредит, - это лучше, чем если бы он был актером или человеком какой-нибудь другой творческой профессии: дома был бы сплошной худсовет, разговоры были бы только о театре. А дом - это все-таки дом, там можно отстраняться от работы. Иногда, правда, когда я мысленно прослеживаю роль и у меня что-то не сходится, я даю ему прочесть пьесу, и Витя, будучи человеком в этом деле неискушенным, иногда дает, как ни странно, дельные советы, которые я потом использую. Ну, а если б он мне все время советовал?! Нет, дома мы почти не касаемся моей работы. Он даже премьеры не смотрит. И слава Богу.

- Что в твоей жизни важнее - работа или семья?

- Мне часто задавали этот вопрос, даже когда еще и семьи-то не было. Я всегда отвечала: семья. И сейчас, пожалуй, отвечу так же. Хотя и без работы тоже не умею жить. И от того, и от другого ожидала чуда, хотя его не произошло ни там, ни там. Могу сказать только - у меня все хорошо, и на работе, и дома. А может быть, я просто

не замечаю своего счастья потому, что оно уже есть. У меня работа, о которой многие только мечтают, любимый человек, Бог дал мне ребенка - разве это не счастье?

Представлять новгородским театрам Лушечкину, наверное, излишне, - за 16 лет она переиграла массу ролей, перечень которых занял бы слишком много места. Напомню некоторые: Луиза ("Коварство и любовь" Шиллера), Анна Ульянова ("Путь" Ремеза), Китти ("Анна Каренина" Толстого), Лебядкина ("Бесы" Достоевского), Касатка ("Касатка" А.Н.Толстого), Маша ("Я - женщина" Мережко), Серафима ("Бег" Булгакова), Маргарита Бургундская ("Нельская башня" Дюма), Лиза ("Сначала я тебя любила..." Птушкиной)... Будучи актрисой преимущественно драматического дарования, она прекрасно работает и в комедийном, и в острохарактерном ключе, как, например, в "Зойкиной квартире" или "Женитьбе Бальзамина", не говоря уже о многочисленных сказках. Что ж, хорошая актриса, как говорят, она и в Африке...

- Люба, ты считаешь себя хорошей актрисой?

- Я не бездарная. И не плохая. Если по большому счету - не очень хорошая, а по среднему - да, хорошая артистка, к тому же везучая. У меня в театре все складывалось ровно - не было особых падений, да и взлетов, наверное, тоже. Думаю, я не смогла бы стать блестящей актрисой просто в силу своих человеческих качеств...

Это - Любина самооценка. А вот что о ней, к примеру, говорит постановщик спектакля "Сначала я тебя любила..." М.Г.Ремизов: "...У нее есть уникальное качество, крайне редкое в театре: она обладает своей "внутренней мелодией"; потрясающая человеческая простота и глубина, внутренняя собранность, интуиция... Не во всех театрах России есть такие актрисы, Новгороду повезло..." Н.М.Птушкина, автор вышеназванной пьесы, на страницах "Культуры" писала о Любе следующее: "...Для драматурга редкая удача видеть, что актер играет именно так, как автор и представлял себе, когда писал роль. Но Любовь Лушечкина открыла для меня в образе Лизы такие глубины, которые я могу поставить в заслугу только ей, но не себе. А это уже не просто удача, это счастье автора." А вот как отзывается о ней в книге "Жизнь для жизни. Хроника нескольких лет Достоевского" писатель П.Косенко: "...И сейчас отчетливо помню то редкое душевное волнение, которое охватывало нас, когда приходила очередь читать молодой артистке Л.Д.Лушечкиной. Потому что она сама становилась Анной Григорьевной Достоевской, сейчас, в этот момент сочиняющей очередное послание любимому мужу. Характер Анны Григорьевны был понят и передан артисткой изумительно. Как она привлекательна в своей безграничной преданности мужу, как она в письмах ластится к нему, как трогательна и самоотверженна в заботах о детях, о доме - и какая при этом мещаночка!..."

Цитировать хвалебные отзывы о Любе можно долго, хотя обилие цитат само по себе еще ничего не определяет. Но главное-то в том, что все это правда! Да, конечно: целиком прожить роль на сцене невероятно трудно, наверное, невозможно, - даже самый гениальный актер вынужден был бы подменять во многих случаях подлинную жизнь техническим ее изображением; в этом - смысл актерского ремесла, и Люба им, бесспорно, владеет. Но при всей технической заданности роли она умудряется (а это, наверное, и называется талантом) все-таки жить подлинной жизнью на сцене, то есть верить во все, что делает, и заражать этой верой партнера и зрителя. Мне посчастливилось несколько раз быть ее партнером в сложных драматических ролях (в чем Люба особенно сильна), и я имею право сказать: на расстоянии какого-то полуметра видишь ту же искренность, ту же правду, что и из глубин зала,

с той только разницей, что партнера труднее обмануть, чем зрителя. Вообще, Люба - артистка "крупного плана", ее, конечно, следует смотреть вблизи, ибо весь тот богатый спектр нюансов, который неизбежен при подлинном переживании роли, очень трудно без потерь перебросить через рампу далеко в зал... Так какие же "человеческие качества" не позволяют ей стать "блестящей актрисой"?

- Прежде всего - неуверенность, отсутствие ощущения душевного здоровья, полноценности. Многие в жизни так до сих пор и не поняла, на многие вопросы (даже вопросы дочери) и сейчас не смогла бы ответить... Что касается театра - не могу сказать, что сам процесс игры на сцене приносит мне такую уж радость, - нет, это для меня просто работа, которую я делаю честно. Часто слышу такую фразу: "творческая неудовлетворенность", - так вот, у меня таких сильных эмоций не бывает. Ты ведь знаешь, я никогда не гонялась за ролями, но уж если их получаю - работаю.

- Из всех твоих работ самой удивительной и самой удачной мне показалась Лебядкина в "Бесах". Смотрел и изумлялся: я-то знаю, что ты никакая не сумасшедшая, напротив - довольно здравый и уравновешенный человек, и вдруг - такая подлинная, правдивая в своей ненормальности Лебядкина! Понимаю, что актерская "кухня" - явление сложное и определениям плохо поддающееся, но попробуй все же ответить: как ты работаешь над ролью?

- Повторяю: честно, на все 100 процентов того, что дал мне Господь Бог. Материал воспринимаю сперва интуитивно, а не рассудочно, - это еще с училища. Всегда пропускаю его через себя и очень трачусь, теряю много нервов, здоровья... Можно ли сыграть мои роли лучше, чем я? - да, можно; смогла бы я сама их сыграть лучше, чем сыграла? - нет, не смогла бы.

- Твои любимые режиссеры из тех, с кем ты работала?

- А.А.Бируля, В.И.Захаров в Алма-Ате и О.А.Соловьев в Новгороде.

- А идеал актера?

- Никогда не было. Актеры, которые нравятся, даже очень - есть, а вот кумиров нет.

- А мечта сыграть какую-то роль?

- Ее тоже никогда не было. Была другая мечта: играть в пьесах Ибсена и Уильямса, а какую роль - даже не знаю.

- Хотела бы ты, чтобы дочь пошла по твоим стопам?

- Наверное, нет, но в этом я тоже не уверена.

- А чего бы ты ей пожелала?

- Чтобы состоялась как личность, не обязательно очень яркая, но личность. Пусть будет доброй и счастливой. И толстой! (Это сказала изящная Люба Лушечкина, которая весит 45 кг и носить на руках которую - одно удовольствие).

Оля Шагалова, точная копия Любиных отроческих фотографий, очаровательная 12-летняя особа, прошедшая и музыку, и балетные танцы, и все, что следует пройти благовоспитанной девочке - завсегда нашей закулисной части.

- Оленька, когда вырастешь, будешь актрисой?

- Нет. В первом или во втором классе хотела, а сейчас передумала.

- Кем же ты хочешь стать?

- Не знаю. Но в школе у меня по математике лучше, чем по другим предметам, поэтому я, наверное, буду поступать на физико-математический...

Что ж, может быть, этому актерскому клану на роду написано попадать на сцену через физмат? Будем надеяться, что "все опять повторится сначала"!